

ПЕРСОНА

Ирина Мещерякова
Марковна

— Не верю своим глазам, передо мной целая Людмила Гурченко! Боже мой!

— Целая пока. Давайте всегда слово "пока". Еще пока не рассыпалась...

— Людмила Марковна, вы еще не устали от превосходных эпитетов в свой адрес?

— Я просто нахожусь уже в таком... что просто не реагирую на это.

— Вы специально одеваетесь так сногшибательно? Этот джинсовый костюм на вас просто великолепен!

— Наоборот, для меня это одежда, чтобы не выделяться. Костюм у меня такой потертый, как полагаются.

— Отчего же — стильный, пиленый пиджачок с изумрудными пуговичками!

— Я стараюсь не выделяться, но в этот раз не получилось, значит.

— Не получается это у вас, Людмила Марковна, не получается!

Украшения у вас шикарные. Изумруд — это ваш камень?

— Это вообще не мой камень, но он мне больше всего нравится. Изумруды вообще самые красивые.

— Да. И на контрасте с бриллиантами...

— Конечно. В этом вся фишка!

— Людмила Марковна, чего вы еще не добились как актриса?

— Не знаю, во-первых, я просто устала биться, так скажем. Кажется, я очень многое сделала, но всегда есть надежда. Понимаете, есть такое проклятое и прекрасное слово — "надежда"... Я все еще надеюсь на "а вдруг". Глядишь, и еще вас пораду!

— Актёры-мужчины все повально мечтают сыграть Гамлета! А кого же еще вы хотите сыграть? Может, Джульетту?

— Ну, об этом речи быть не может. И маленькую Веру я тоже уже никогда не сыграю.

— Вы родились 12 ноября, не будем говорить, какого года, в Харькове.

ИРИНА МЕЩЕРЯКОВА

Я еще пока не рассыпалась

Кажется, время не властно над этой актрисой. Какое десятилетие она удивляет всех своей осиной талией, творческими порывами, смелыми поступками, необычными заявлениями и новыми мужчинами. Говоря о ней, нетрудно подобрать восторженные эпитеты — они все про нее. Легенда отечественного кино, королева оптимизма, несравненная Людмила Марковна Гурченко предстала перед вашим корреспондентом, как всегда, во всем блеске.

Элина НИКОЛАЕВА

СТЕКЛЯННОЕ

— 1935-го, товарищи.

— И вы прославились в Советском Союзе, а теперь оказались в другой стране. Жалеете об этом?

— Ни в коем случае. Я всегда мечтала о свободе, о том, что не будет никакой цензуры, что люди будут жить, как им хочется. В 91-м стояла там, около Белого дома, на жаре, в ожидании перестрелки. Ждали выхода Ельцина. Люди падали от духоты. Часа 3 стояли. Я думала, что я с ума сойду, настолько во мне было всего этого революционно-го...

— А сегодня вы, конечно, думаете — за что боролись?

— Да, потом ведь что-то случилось такое, когда вдруг раз — и исчез запал. Бомба есть — запала нет, понимаете? Мне так кажется, что очень резко начали. А потом и кино исчезло, измелчилось. А это ведь моя профессия, понимаете?

— Ну да.

— Сначала совсем исчезло, а потом в измелченном, в распотанном виде стало появляться. Быть фальшивой оптимисткой в таком положении я не могла.

— Вы закончили ВГИК еще в 1958 году.

— В начале 1959-го.

— И не надоело вам актерствовать?

— Вообще, если человек идет на это, то скоро все выясняется. Или он к 30—35 годам выдыхается, или тянет ляжку, так сказать... как мы. Это как хромота вечная, понимаете, от которой невозможно избавиться.

— Вы пишете книги, как запоминаете все произошедшее? Вы все эти годы вели какие-то дневники?

— Нет, никаких дневников, боже сохрани. Вы понимаете, это память, это то, что очень важно для актера, — ощущение звука, запахов, во что ты был одет, какие были люди рядом, какая была обстановка — это все то, что составляет момент профессии. Поэтому, когда говорят "ой, я не помню всего..." Как не помнишь? Значит, ты не артист — артист должен помнить все. Даже не должен — обязан!

— Почему это обязан?

— Потому что я, например, не просто помню — я этим живу. Это мой базис или плацдарм. Когда моя надстройка начинает рушиться и болтаться, я перемещаюсь туда — в детство, именно там я беру силы. Война выстроила меня и мое поколение так, что мы неслибаемы. Мы уже видели все.

— После книги "Аплудисменты" вы написали...

— После этого "Люся, стоп!" — послеперестроечный момент. Когда очень-очень большие метаморфозы случились с людьми. Как сказал наш первый президент, стало ясно — "ху из ху". Люди очень изменились, потому что надо было приспосабливаться, надо было как-то вертеться, зарабатывать.

— Сдавать, предавать...

— Ну, предавать — это само собой, это просто как школьная тетрадь.

— Но вам же это несвойственно?

— Мне нет. Я осталась на своем — трудяга, "здравствуйте, товарищи, здравствуйте, господа". Однажды Ельцин вручал мне какую-то премию. Мне объяснили протокол: "Вы подойдете, он вам вручит, вы можете что-то сказать, а потом поворачиваетесь, и вас фотографировать". И, значит, он мне вручил, я поворачиваюсь и говорю: "Служу Советскому Союзу!" Он в ответ: "Не понял". А я не знала, как сказать: "Отечество" тогда еще, знаете, трудно было произнести.

— Людмила Марковна, на вас посмотрите, послушайте вас — и сразу хочется быть актрисой!

— Пожалуй!

— Но чтобы вы были режиссером!

— А вот это я не могу.

— Неужели самой не хочется поруководить? Пусть уже другие пляшут, поют, а заслуженные пусть руководят каким-нибудь театром...

— Я не умею ничем командовать. Единственное, я могу работать с молодыми актерами. Тихо, исподволь, незаметно могу что-то такое сказать, чтобы он почувствовал, будто он сам это делает, понимаете. Я даже профсоюзные взносы не могла в институте собрать. Все свои деньги потом заплатила.

— Но сейчас ведь существует музыкальный театр, центр Людмилы Гурченко?

— Это место, где я тихо и без шума осуществила свою тайную мечту. Все знают, что такое мюзикл, — американских мы много видели! А чтобы была наша музыка, чтобы наш текст, чтобы наши актеры, чтобы наша мучительная тема, которая, так сказать, может взволновать зал... Это осуществилось в моем театре.

— Вы ставите там спектакли?

ЛЮДМИЛА МАРКОВНА

СЧАСТЬЕ

ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

— Ну, не я ставлю — приглашенные режиссеры. Сейчас мы играем очень хороший спектакль, мне нравится, я с удовольствием в нем играю. Это "Случайное счастье милиционера Пешкина". Там блистательный совершенно Сережа Шакуров, Женя Добровольская, Димочка Марьянов. Полтора часа великолепного зрелища.

— Вас раздражает, когда обсуждают вашу внешность? Пишут в статье: "Гурченко снова помолодела". Или в этом тоже смысл первой жизни?

— Вы знаете, первое время, когда пришла перестройка и началось это вот подглядывание, подсматривание... я так возмущалась! Вначале мне было очень трудно к этому привыкнуть. Захотят — изуродуют. Захотят — красоткой сфотографируют. Или пишут: "У Гурченко отнялись ноги". Ну почему? Я не знаю, но на меня так все смотрят странно, звонят: "Что у тебя с ногами?" Да ничего, сегодня танцевала в спектакле.

— И как вы с этим боролись?

— Да никак! Пишете что хотите, только не врите! Вот пусть пишут, что помолодела — очень хорошо.

— Ваша знаменитая диета — это тоже вранье?

— Не было у меня никакой диеты. Если я не поем, у меня кружится голова. Об этом речи быть не может. Да боже сохрани!

— Неужели вы едите все подряд?

— Конечно, я не могу есть острое, не могу жирное. А так... я же военный человек. Война, го-

лод, так что у меня не бывает такого, что через силу не поем. Очень люблю хлеб, люблю все мучное, с маслом. Пообедаю, а потом хлеб с маслом и с чаем — это обязательно. А то я не наелась.

— Какие-то вы ужасы рассказываете!

— Но переждать не надо. Вот это у меня есть порок такой, иногда переест. Потом неважно себя чувствуешь. Вот тут надо держаться.

— А на ночь вы хоть не едите, ограничиваете себя?

— Нет, это я не могу. Я должна покушать. Чтобы спокойно лечь спать, чтобы собаки рядом...

— У вас собаки?

— Маленькие. Фева и Гаврик.

— Как мило!

— Московский длинношерстный той-терьер Гаврик и Фева — немецкий эртер... Господи, как же? Который... вот память! Что-то с памятью моей стало — все, что было не со мной, не помню. Ну, в общем, это собаки черные такие, противные, с хвостом рубленным.

— Короче, собаки укладываются рядышком...

— Они занимают свои места...

— К мамке под бочок.

— Кто к папке, кто к мамке. Все расписано.

— Хороший Сергей Михайлович у вас.

— Сергей Михайлович хороший.

— Такой прямо любезный, по телефону культурно разговаривает...

— Он хороший. И не по телефону хороший.

— Как с ним познакомились?

— А на картине. Он был продюсером на картине — "Секс-сказка". Я его никогда не видела. И вдруг на съемках появился он — крупный такой. Он тогда еще полный был. В черном пальто. Продюсер. И я еще подумала: "Не, такой большой — это не мой...". А потом как-то год прошел, познакомились и заговорили. И очень долго между нами ничего такого не было. Но души как бы слились в какое-то... В общем, этого не должно было быть, но получилось.

— Как он вам сделал предложение? Цветы дарил или кольца?

— Ничего он мне не дарил! Потом, через

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

года 2—3, подарил. В магазине продавщица еще говорила: "Ой, он так тщательно выбирает — обязательно не то выберет".

— Не надоели вам в этой жизни мужчины?

— Что значит — надоели? Мне нравятся талантливые, красивые люди, мощные и здоровые. Понимаете? Здоровые духом. Это очень важно.

— Да, но сейчас это редкость большая.

— Вот я была на "Камеди-клуб" — здоровые ребята! Здоровые люди! Юмор отличный. Они на любую тему пошутят, и очень хорошо. Я люблю Жванецкого — это здоровый человек. Мне нравится Валерий Гергиев — тоже здоровый человек.

— Что недодали вам в этой жизни мужчины?

— Как вам сказать? Верности, которую я как планку ставлю. Но что делать? Тут надо учитывать их, как говорится, природу, хотя я не желаю этого делать.

— Какого вы вообще мнения о российских мужчинах?

— Наши мужчины только начинают поднимать голову. Потому что бедный мужчина советский, который (напевает) "Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить. Но зато в эти ночи весенние я могу о любви говорить..." И больше он ничего не мог, понимаете? А теперь мужчины оживают, и дай бог, так сказать... Мне нравится, когда мужчина может предложить даме и это, и это.

— У вас по жизни есть какие-то увлечения, кроме актерства? Может, марки собираете?

— Марки нет. Я собирала, как бы это сказать... стекляшки. Началось это еще в бедные времена, я влюбилась, будучи в Эрмитаже (когда не было съемок, у меня было правило ходить в этот музей, чтобы изучить как можно больше). И однажды я вошла в зал, где была царская мебель. И светило солнце, карельская береза и лампа из какого-то необыкновенного зеленого стекла. Ну просто, знаете, оторваться невозможно. Как прекрасное видение, прекрасная картина. Вдруг мне так захотелось жить, так захотелось любить, прыгать, танцевать, петь... не знаю. И я приехала в Москву — на Арбате тогда был магазин, — пошла и смотрю, там стоит флакон. Он стоил 13 рублей 50 копеек.

— Бешеные деньги!

— Тогда! А сейчас ему и вовсе цены нет. Понимаете? И вот с института у меня такая болезнь. Я это стекло покупаю везде, где только не бываю, даже в Америке — там наша эмиграция сдает русское стекло, такое толстое и прекрасное. К сожалению, с этим увлечением мне придется заканчивать. Потому что куда ж это — у меня все окна заставлены.

— Флаконами?

— Не только. Вазами, чайниками, даже чернильницами — это очень интересно. Это украшает жизнь. Кто-то не любит. А вот я посмотрю — и жить хочется.

— Людмила Марковна, как вам удается всю жизнь так высоко держать планку? В чем ваш секрет? В том, что прошли через войну и никогда не были богаты? Совсем недавно у вас вроде и квартиры нормальной не было?

— Нет, сейчас у меня квартира такая. Но все за свой счет. А то, что я имею, я имею пенсию, как говорится, в 3 тысячи рублей, и никаких запасов. Потому что запасы в нашей стране, как вы понимаете, невозможно было сделать никогда. Мы жили сегодняшним днем. При этом все мечтали о пенсии и говорили: "Ох, пойду на пенсию — все прочитаю, все объезжу!"

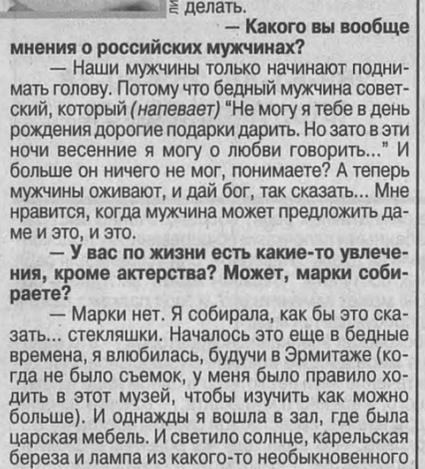
— Заблуждение вышло!

— Да, теперь все думают: "Да не дай бог! Не дай бог!". Я только одно поняла, что старый человек — это не конечный человек. Понимаете, у нас опять сейчас такая тенденция — молодым надо открывать дорогу. Но школа-то тоже нужна?!

ЛЮДМИЛА ШАРПОВСКАЯ

ЛЮДМИЛА ШАРПОВСКАЯ

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

ЛЮДМИЛА ШАРПОВСКАЯ